

АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США В КОНЦЕ XX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

© 2018 С. Н. Белевцева

*доцент кафедры всеобщей истории;
кандидат исторических наук, доцент
e-mail: SNBelevtseva@yandex.ru*

Курский государственный университет

Статья представляет собой анализ исследований американских учёных о принципах формирования и проблемных вопросах внешней политики США в 1980-х – 1990-х гг. В ней рассмотрен исторический аспект темы, вскрыта степень влияния различных акторов на внешнюю политику Соединённых Штатов, заострено внимание на стремлении США к упрочению лидирующих позиций в мировом сообществе.

Ключевые слова: акторы внешней политики США, принципы «распространения демократии»; научное обеспечение внешней политики; гегемония США.

Исторический аспект

Становление американского государства как территории, освободившейся от британского владычества, было связано не просто с отрицанием заморского давления, но прежде всего с противлением монархической власти в принципе. Конституция США, написанная от имени народа, закрепляла в своих положениях «блага свободы за нами и потомством нашим» [Из преамбулы Конституции США] и подчёркивала демократические принципы построения нового государства.

Об исторических аспектах построения демократического общества в США один из ведущих американских политологов Генри Киссинджер в 1994 г. отмечал в своей книге «Дипломатия». Он, в частности, обратил внимание на исторически сложившуюся двойственность в формировании внешней политики Соединённых Штатов. По мнению Киссинджера, «специфические черты, обретенные Америкой по ходу её исторического развития, породили два противоположных друг другу подхода к вопросам внешней политики. Первый заключается в том, что Америка наилучшим образом утверждает собственные ценности, совершенствуя демократию у себя дома, и потому служит путеводным маяком для остальной части человечества; суть же второго сводится к тому, что сами эти ценности накладывают на Америку обязательство бороться за их утверждение во всемирном масштабе» [Киссинджер 1997: 9]. И хотя Киссинджер обращает внимание на два противоположных, по его мнению, подхода, «оба направления мышления... предполагают в качестве нормального глобальный международный порядок, базирующийся на демократии, свободе торговли и международном праве» [Там же].

Характеризуя оба направления развития как продукты американского опыта, Генри Киссинджер возвращает нас к основной американской дилемме во внешней политике XX в. – изоляционизм или миссионерство. Он, в частности, констатирует, что «...оба подхода, изоляционистский и миссионерский, столь противоречивые внешне, отражают общую, лежащую в их основе веру в то, что Соединённые Штаты обладают лучшей в мире системой управления и всё прочее человечество может достигнуть мира и процветания путём отказа от традиционной дипломатии и принятия свойственного Америке уважительного отношения к международному праву и демократии» [Там же].

Не ставя целью поспорить с маститым политологом, трудно воздержаться от вопроса: действительно ли господин Киссинджер считает или считал ранее, что Соединенные Штаты уважительно относятся к международному праву и демократии. По крайней мере, всегда ли? Но частичный ответ на этот вопрос мы находим у самого Киссинджера в его «Дипломатии»: «Американские лидеры так часто трактовали свои ценности как нечто само собой разумеющееся, что крайне редко сознавали, до какой степени эти ценности могут восприниматься другими как революционные и нарушающие привычный порядок вещей» [Там же: 13].

Возвращаясь к временам «холодной войны», Г. Киссинджер характеризует внешнюю политику США 1980-х гг. как уникальную, обеспеченную «всей совокупностью средств – политических, экономических и военных – для организации обороны некоммунистического мира» [Там же: 14]. И добавляет, что «нация, находящаяся в подобном положении, в состоянии настаивать на собственной точке зрения...» [Там же].

При этом первое положение, об обладании необходимыми средствами для проведения собственной внешней политики, Киссинджер уточняет определёнными специфическими моментами. А именно, показывает, что «в период “холодной войны” различные элементы могущества стали четко отделяться друг от друга. Бывший Советский Союз являлся в военном отношении сверхдержавой, а в экономическом смысле – карликом. Другая страна вполне могла быть экономическим гигантом, а в военном отношении – ничтожно малой величиной, как в случае с Японией» [Там же].

А вот второе положение, о возможности отстаивания своих позиций, являясь бесспорным фактом, в то же время характеризует внешнюю политику США как политику с позиции силы. И в этой связи становится малоубедительным утверждение мэтра о том, что «ни одна из наций никогда не предъявляла к себе моральных требований, как это сделала Америка» [Там же]. Хотя, конечно, мораль, как у людей, так и у государств может быть разной.

С окончанием «холодной войны» казалось, что «отсутствие четко обозначенного противника» [Там же] позволит «переключить ресурсы на выполнение других первоочередных задач» [Там же]. Подчеркнём, эта мысль Киссинджера относится к 1994 г. А ход истории показал, что развитие Америки без образа врага идёт непривычно трудно. Но это уже ситуация XXI в., новых исторических событий и извлекаемых из них уроков.

«Уроки истории не являются автоматически применимым руководством к действию; история учит по аналогии, проливая свет на сходные последствия сопоставимых ситуаций. Однако каждое поколение должно определить для себя, какие обстоятельства на самом деле являются сопоставимыми» [Там же: 18], – и этот постулат Генри Киссинджера вряд ли кто-то сможет оспорить.

Извлечение исторических уроков прослеживается в более ранней работе Г. Киссинджера, посвящённой экономической помощи России, которая только что стала самостоятельным государством. 29 марта 1992 г., через три месяца после распада СССР, Киссинджер на страницах газеты «Los Angeles Times» высказал мнение о том, что предложение Никсона об отправке денег на спасение демократии в России не сработает. В 1994 г. эта статья, под новым названием «Только Западная помощь не укрепит экономики республик», с незначительными изменениями и дополнениями, вошла в сборник «Распад Советского Союза: противоположные точки зрения» [Kissinger 1994].

Суть исторического урока, к которому апеллировал Киссинджер, заключалась в том, что Россия, как и другие новые государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве, именно вследствие своей истории не была готова к демократическим

переменам.

«Ключевой вопрос заключается не в том, следует ли предоставлять помощь, – писал Киссинджер. – Все согласны с тем, что некоторая помощь необходима, как минимум, по гуманитарным соображениям... Проблема заключается в чрезмерных притязаниях некоторых сторонников помощи. Ностальгия по плану Маршалла упускает из виду, что он был реализован в обществах с давними традициями демократического правления, хорошо зарекомендовавшими себя гражданскими службами и менеджерами, имеющими опыт работы в рыночной экономике. Ни одно из этих условий не относится к бывшему Советскому Союзу» [Ibid.: 149].

В упомянутой небольшой статье выдающийся политолог Генри Киссинджер указывал, как должна строиться внешняя политика США с использованием фактов оказания экономической помощи. Он убеждал: «Программы помощи должны быть частью политического диалога, особенно с Российской республикой, и они должны быть поставлены в зависимость от принятия политического суверенитета в отношении с государством-преемником. С учетом членства этих стран в Организации Объединенных Наций это вряд ли является чрезмерным требованием. Мы должны включить другие республики в комплексную программу и не допустить, чтобы Москва была голосом или избранным двигателем развития остальной части Советского Союза» [Ibid.: 152]. Именно в отказе России от роли лидера на постсоветском пространстве видел Киссинджер успех внешней политики США и благо для России. Он, в частности, считал, что «Россия, которая откажется от господства, покончит с причинами конфликта с Соединенными Штатами; она может стать глобальным партнером» [Ibid.].

Подчеркивая, что экономическая помощь должна быть направлена не только государству-приемнику СССР, а всем странам на постсоветском пространстве, Киссинджер не упустил и два других момента, главенствующих во внешней политике Соединенных Штатов. Первый заключается в том, что помощь должна служить национальным интересам США. Второй призывает не упустить выгоду, призывая оказывать помощь там, «где есть перспектива быстрого валютного заработка» [Ibid.].

Таким образом, Генри Киссинджер перешёл от уроков истории к повседневной практике формирования внешней политики США.

Актеры влияния на внешнюю политику

Серьёзное исследование вопроса об акторах, влияющих на внешнюю политику США, было проведено профессором университета Миннесоты Лоуренсом Якобсом и профессором Северо-Западного университета Бенджамином Пейджом. В своей статье, раскрывающей результаты исследования, они в первую очередь обратились к проблемам предыдущих научных разработок данной темы, которые, по их мнению, часто фиксировали отдельные факты и направления без рассмотрения альтернативных возможностей. По мнению исследователей, «даже отличные тематические исследования, которые распутывают причинно-следственные механизмы и процессы формирования политики, как правило, оставляют открытым вопрос о том, насколько хорошо они обобщаются за пределами этих конкретных случаев» [Jacobs, Page 2005: 109].

Тем не менее, опираясь на множество исследований последней трети XX в. и взяв за основу данные восьми четырехлетних циклов обследований, которые были проведены Чикагским советом по Внешним связям (CCFR), профессора Якобс и Пейдж провели глубокое исследование влияния на формирование внешней политики США различных акторов. В опубликованной в «*American Political Science Review*» статье, по предположению авторов, они сделали первую попытку по проведению «сравнительного анализа, основанного на большом количестве разнообразных случаев относительного влияния на американскую внешнюю политику ряда ключевых акторов,

включая: организованные группы интересов (особенно из бизнеса и связанных с ним кругов); эпистемические сообщества из аналитических центров и школ; и массовое общественное мнение» [Ibid.: 109, 110].

Исследования проводились с использованием трёх кластеров вопросов (экономических, военных и дипломатических) и четырёх параллельных методик обработки данных. При этом в ходе научных изысканий были выполнены и некоторые коррекции по обследуемым группам акторов с целью уточнения результатов исследования.

Из итогов исследования самих ученых более всего поразил результат по изучению влияния общественного мнения на формирование внешней политики США. В их статье, в частности, говорится: «Пожалуй, самым удивительным выводом во всём наборе анализов является очевидная слабость общественного мнения. Даже при сокращенном и уточненном моделировании общественность, как представляется, не оказывает существенного, последовательного влияния на лиц, ответственных за внешнюю политику» [Ibid.: 117]. Напротив, по мнению авторов, «анализ, проведенный с использованием четырех различных типов статистических моделей, показывает, что лидеры бизнеса, ориентированные на международные рынки, оказывают сильное, последовательное но, возможно, однобокое влияние на вершителей внешней политики США» [Ibid.: 120].

Обобщённый вывод профессоров Якобса и Пейджа таков: «...бизнес может оказывать наиболее последовательное влияние на государственных деятелей, и, на взгляд политиков, на них могут достаточно сильно повлиять эксперты и, в меньшей степени, общественное мнение» [Ibid.: 121].

Научное влияние на внешнюю политику США

Если профессора Лоуренс Якобс и Бенджамин Пейдж в своём исследовании вскрыли значительное влияние на внешнюю политику США представителей бизнеса и экспертного сообщества, то на роль фундаментальной науки в этом процессе указали в своей работе профессор Джорджтаунского университета Эндрю Беннетт и профессор Принстонского университета Гилфорд Джон Икенберри. В своей статье «Оценка изменения значимости для США внешней политики в 1906–2006 гг.» они проанализировали научные разработки своих коллег, посвящённые столетнему этапу эволюции американской внешней политики. Отдельные разделы этой статьи посвящены 1980-м и 1990-м гг. прошлого века, для которых характерно распространение по миру институтов и принципов демократического государственного устройства. По мнению авторов, с конца 1980-х гг. «и в последующие годы дебаты о демократическом мире взорвались излиянием статей, включая статистические и формальные анализы, которые придали значительный авторитет демократическому миру» [Bennett, Ikenberry 2006].

Среди множества научных работ 1980-х гг. профессора Беннетт и Икенберри выделели труд «знаковый “Либерализм и мировая политика” Майкла Дойла, 1986 года» [Ibid.: 655]. По мнению Беннетта и Икенберри, «Дойл представил обновленное изложение аргумента Канта о том, что демократии не воюют друг с другом, определив возможные причинные объяснения этого аргумента и предложив эмпирическое подтверждение демократического мира» [Ibid.]. А в целом «статья Дойла иллюстрирует “пищевую цепочку”, через которую теоретические идеи воплощаются в политику» [Ibid.: 656]. Сам термин «демократический мир», согласно исследованию авторов, до 1986 г. практически не употреблялся в научных статьях, а «с 1987 по 2006 г. было 75 цитирований этого термина» [Ibid.] и 295 ссылок на саму статью Майкла Дойла.

Понятие «демократический мир» быстро нашло своё место и в американской внешней политике. «Президент Буш и его госсекретарь Бейкер использовали термин “демократический мир” в 1992 г. и в последующем многократно возвращались к этой идее в начавшейся президентской кампании 1992 г.; президент Клинтон воспринял демократический мир как центральную организационную идею своей “Стратегии национальной безопасности вовлеченности и расширения”» [Ibid.], – указывали Беннет и Икенберри.

Само исследование 1986 г. доцента политологии Майкла Дойла «Либерализм и мировая политика» было посвящено анализу трёх ветвей либерального государственного устройства в различных исторических условиях. К ним автор отнёс либеральный пацифизм, либеральный империализм и либеральный интернационализм [Doyle 1986].

В своём исследовании Майк Дойл опирался на труды ведущих представителей этих направлений: австрийского и американского экономиста, политолога, социолога и историка экономической мысли Йозефа Шумпетера, видного итальянского мыслителя и политического деятеля XV–XVI вв. Никколо Макиавелли и великого немецкого философа XVIII–XIX вв. Иммануила Канта.

Различия подходов к политике, в том числе внешней политике, при сохранении общих либеральных тенденций, Дойл объяснял тем, что «либеральный интернационализм Канта, либеральный империализм Макиавелли и либеральный пацифизм Шумпетера опираются на принципиально разные взгляды на природу человека, государства и международных отношений» [Ibid.: 1162]. Говоря о достоинствах каждого из либеральных направлений, Дойл приводил примеры их проявления, а также вскрывал имевшиеся недостатки. Но в любом из вариантов либеральное начало рассматривалось как демократическое движение, к которому в последней четверти XX в. примыкали всё новые и новые страны. В начале своей статьи автор отдал должное президенту Рейгану, начавшему крестовый поход за свободу и демократическое развитие. Дойл также подчеркнул, что идеи президента Рейгана опираются на разработки многих либеральных теоретиков, и поддержал одно из важных президентских заявлений о том, что «агрессивные инстинкты авторитарных лидеров и тоталитарных правящих партий ведут к войне. Либеральные государства, основанные на таких индивидуальных правах, как равенство перед законом, свобода слова и другие гражданские свободы, частная собственность и избирательное представительство, принципиально против войны...» [Ibid.: 1151].

Сам же Дойл, явно склоняясь к либеральному интернационализму Канта, привёл важную мысль этого философа в заключение своей статьи: «Вечный мир, говорит Кант, – это конечная точка тяжелого пути, который предпринимают республики. Обещание вечного мира, жестокие уроки войны и опыт частичного мира являются доказательством необходимости и возможности установления мира во всем мире. Они также являются основанием для того, чтобы нравственные граждане и государственные деятели взяли на себя обязанность стремиться к миру» [Ibid.: 1163].

Статья Майкла Дойла «Либерализм и мировая политика» была признана и востребована. Для самого же автора она стала трамплином для карьерного роста, сделав его в последующем признанным теоретиком либерального «демократического мира», профессором международных отношений Колумбийского университета и видным ооновским чиновником.

Либеральная демократическая теория, или теория демократического мира, краеугольным камнем которой стал постулат о том, что демократии не воюют друг с другом, несмотря на многие исторические отступления от этого правила, логично нацеливает политический истеблишмент на необходимость «распространения

демократии» по всему миру. Пик третьей волны демократизации, пришедшийся на рубеж 1980-х – 1990-х гг., породил как в странах Западной Европы, так и в США, с одной стороны упрощенческие подходы к процессу «распространения демократии», а с другой стороны, стремление к внедрению в странах, вставших на путь демократического развития, идеализированных демократических систем. Последнее нередко вызывало недоумение и непонимание у тех, на кого были направлены рекомендации американских консультантов, в связи с отсутствием подтверждения этим рекомендациям в реальной политической жизни Соединённых Штатов и Запада в целом. По мнению доктора юридических наук, старшего вице-президента по исследованиям Фонда Карнеги за Международный мир Томаса Каротерса, это стало возможным из-за того, что «среди тех американцев, которые участвуют в деле продвижения демократии за рубежом... соотношение между предлагавшимся идеальным и реальным состоянием демократии в домашних условиях редко обсуждается. В результате мало внимания было уделено удивительному и в некотором роде парадоксальному факту, что Соединённые Штаты и в меньшей степени Западная Европа перешли в особо активную фазу поощрения демократии в других странах именно в то время, когда здоровье их собственных демократических систем омрачается сомнениями» [Carothers 1996: 35]. Будучи ведущим специалистом в области международной поддержки демократии, Томас Каротерс в своей работе 1996 г. «Содействие демократии в постмодернистском мире» вскрывает комплекс «взаимосвязанных политических проблем во многих устоявшихся демократиях» [Ibid.]. При этом он критически оценивает стремление отдельных американских консультантов уйти от объяснений проблемных вопросов. Последние нацеливают консультируемых чиновников и партийных функционеров на то, «что демократические ценности, как только они будут должным образом введены, будут иметь естественный характер и закреплять в себе надлежащую институциональную систему. Эта точка зрения допускает, что в практике демократии в США можно встретить несколько проблем, но эти проблемы являются лишь морщинами с краёв, которые не вызывают вопросов о ядре» [Ibid.: 36].

Доктор Каротерс приводит объяснение сложившейся ситуации, сделанное теми пропагандистами демократии, которые обеспокоены ситуацией, в которой «демократия в Америке и Западной Европе плохо себя чувствует» [Ibid.]. Они предполагают, что эта проблема – симптом «зрелых демократий» и что «до нынешнего недомогания в западной политике существовал длительный, золотой период, в котором демократия пользовалась заслуженными плодами» [Ibid.]. Они высказывают мнение, «что многие новые демократизирующие страны во всем мире будут испытывать аналогичную модель развития. Сначала эти страны построят основные институты демократии, затем они проживут свои золотые периоды, и только после того, как они далеко продвинутся по демократическому пути, для них станут актуальны различные элементы демократического недуга, затрагивающего Запад» [Ibid.].

Сам Каротерс подобное мнение считает ошибочным. Он указывает: «Одна из очевидных критик этого мировоззрения заключается в том, что никогда не было золотого периода демократии в США или в других западных странах; все периоды западной демократии чреваты проблемами. Тем не менее, хотя демократия всегда была весьма несовершенной, описанные выше проблемы, по-видимому, отражают четкий синдром постмодернистской усталости от демократии и, возможно, от политики как таковой» [Ibid.]. Вместе с тем Каротерс убеждён в необходимости продвижения демократических принципов и институтов государственного устройства на все континенты и во все страны. А лечение демократических недугов он предлагает начинать с самих Соединённых Штатов. В заключение своей статьи он указывает:

«...задача продвижения демократии за рубежом, оказывается, имеет значимое сходство с задачей возрождения демократии внутри страны. Если не дотягивают наши методы за рубежом, то, возможно, потому, что мы не занимались этим серьёзно у себя дома. Перестройка наших отношений с миром в эту новую международную эпоху может последовать только за перестройкой наших собственных отношений с демократическими принципами и ценностями, которые мы отстаиваем» [Ibid.: 40].

Сохранение гегемонии США

Отстаивание Соединёнными Штатами демократических принципов в последнее десятилетие XX в., как и в другие периоды американской истории, хотя и было связано с продвижением демократических ценностей, но целью своей имело в первую очередь обеспечение интересов США. Эту истину нетрудно отыскать в исследованиях многих американских, и не только американских, учёных. В частности, профессор Гилфорд Джон Икенберри в своей статье «Зачем экспортировать демократию?» для журнала «The Wilson Quarterly» отмечал: «Америка не просто распространяет свои ценности, она обеспечивает свои интересы. Это скрытая великая стратегия Америки...» [Ikenberry 1999].

На рубеже 1980-х – 1990-х гг. Соединёнными Штатами были предприняты действия, призванные обеспечить расширение демократического мира с помощью повсеместного внедрения механизмов рыночной экономики. На эту идею работали главные международные финансовые организации – МВФ и Всемирный банк. Падение цен на нефть ещё в 1970-е гг. и связанные с ним государственные займы ряда социалистических и развивающихся стран привели в 1980-е гг. к долговому кризису. Этой ситуацией воспользовались Соединённые Штаты и их союзники по западной коалиции.

Один из основоположников мир-системного анализа Иммануил Валлерстайн характеризует этот период как этап «неолиберальной атаки, возглавляемой режимами Тэтчер и Рейгана, Международным валютным фондом и Всемирным экономическим форумом в Давосе» [Wallerstein 2006]. А выработанная под руководством США новая экономическая стратегия, так называемый Вашингтонский консенсус, саркастически характеризуется Валлерстайном как «путь к земле обетованной» [Ibid.].

При этом профессор Валлерстайн признаёт, что этот путь «перевернул большинство догм развития.<...> Рынок, а не благосостояние населения теперь стал мерой всей соответствующей деятельности государства. МВФ осуществил это, поставив кредиты в зависимость от структурной перестройки, которая, по сути, означала следование рецептам Вашингтонского консенсуса» [Ibid.]. Многие политические режимы стали разваливаться с гражданскими войнами и прочими видами внутренних потрясений, усугубляя и без того плачевное экономическое состояние. Одно за другим государства следовали требованиям Вашингтонского консенсуса. Ухудшения потрясли и советский блок. А вскоре, как указывает Валлерстайн, «сам СССР вступил на путь политической и экономической “реформы” (перестройка плюс гласность) с Горбачевым. Средство было во многих смыслах замечательным, но, к сожалению, пациент умер» [Ibid.].

В этот период многим казалось, что мировая система вошла в золотую для США эпоху. Но на Соединённые Штаты всё ещё довели синдромы эпохи Никсона: поражение во Вьетнамской войне и Уотергейтский скандал. Исходя из этого, по мнению профессора Валлерстайна, «начиная с Никсона, и на протяжении следующих тридцати лет (от Никсона к Клинтону, проходя через Рейгана), все... президенты сконцентрировались на негласной Цели – замедлении спада гегемонии» [Ibid.]. Это стало лейтмотивом внешней политики США в 1980-е–1990-е гг. А все

внешнеполитические усилия сосредотачивались по трём направлениям: поддержание политической власти, обеспечение военного превосходства, где главным пунктом была задача остановить распространение ядерного оружия, и новая экономическая доктрина Вашингтонского консенсуса. Причём реализация последнего пункта имела целью «сделать американское экономическое и, особенно, финансовое участие в странах третьего мира гораздо более обширным и выгодным и, следовательно, компенсировала некоторое снижение рентабельности, имевшее место ранее в ведущих отраслях промышленности Соединённых Штатов. Во многом этот аспект пересмотра внешней политики оставался наиболее успешным из трёх, вплоть до конца 1990-х годов» [Ibid.].

После окончания «холодной войны» достигнутый временный успех по замедлению гегемонического спада создал трудности для США в тот момент, когда они уже пребывали в новой роли единственной сверхдержавы. Истоки этого состояния, по мнению Иммануила Валлерстайна, кроются в том, что, «когда Горбачев предложил, по сути по своей инициативе, снести стену и приступить к значительному взаимному разоружению, для США это было настолько поразительно и во многом непостижимо, что, безусловно, была неуверенность в том, как справиться с этим новым развитием событий» [Ibid.]. А суть новых проблем для внешней политики США сводилась к двум основным геополитическим последствиям распада СССР. «Соединённые Штаты потеряли последний важный аргумент, который они могли использовать в вопросе о том, почему Западная Европа должны оставаться политически привязанной к США, – нужно поддерживать общий фронт против СССР. Они также потеряли прошлый важный опосредованный ограничитель политики стран третьего мира – Советский Союз как блюстителя правил Ялтинских договоренностей, в странах, враждебных США» [Ibid.]. Последнее рельефно выразилось в безоглядной внешней политике Саддама Хусейна в 1990 г., когда иракские войска оккупировали Кувейт. Соединённые Штаты, уже примерявшие лавры единоличного мирового лидера, не могли оставить этот шаг Ирака без самой жёсткой реакции. И Советский Союз вынужден был согласиться на американские претензии.

В статье «Глобализация или век перехода? Долгосрочный взгляд на траекторию мир-системы» профессор Валлерстайн указывает на то, что существовали ограничительные рамки для военных действий США, но они были продиктованы не просто внешними или внутренними трудностями. «Два ограничения – финансовые и военные – были продиктованы общественным мнением США, которое было готово аплодировать националистической победе при условии, что она не стоила ни денег, ни жизней» [Wallerstein 2000], – считает Валлерстайн. Это является основным объяснением того, почему Саддам Хусейн смог выжить после «Бури в Пустыне». Как указывает Иммануил Валлерстайн, «США, конечно, могли мобилизовать необходимые военные силы для изгнания иракцев из Кувейта и поставить Ирак в тяжёлое положение международных ограничений после этого. Но цена вопроса для США была высокой. Это продемонстрировало, что невозможно позволить себе финансово проводить такие операции. Всецело военный проект США был переложен на Саудовскую Аравию, Кувейт, Японию и Германию» [Ibid.]. Для Соединённых Штатов такой подход к решению международных проблем оказался наиболее приемлемым, так как не просто позволял за чужой счёт проявлять своё превосходство, но и привязывал другие страны к своей международной политике.

В 1990-е гг. единоличное лидерство уже позволяло Соединённым Штатам решать многие внешнеполитические проблемы без оглядки на кого бы то ни было, а надёжным прикрытием американской внешней политики служил аргумент о необходимости «распространения демократии».

Библиографический список

Из преамбулы Конституции США. См., например, сайт «National Archives». URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/constitution> (дата обращения: 10.06.2018)

Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997. 903 с.

Bennett A., Ikenberry G. J. The Review's Evolving Relevance for U.S. Foreign Policy 1906–2006 // American Political Science Review, November 2006. Vol. 100. No. 4. P. 651–658.

Carothers T. Promoting Democracy in a Postmodern World // Dissent. 1996. Spring. P. 35–40.

Doyle M.W. Liberalism and World Politics // American Political Science Review, Dec., 1986. Vol. 80. No. 4. P. 1151–1169.

Ikenberry G.J. Why Export Democracy? // The Wilson Quarterly. 1999. Vol. 23. No. 2 (Spring). P. 65.

Jacobs L.R., Page B.I. Who Influences U.S. Foreign Policy? // American Political Science Review. 2005. Vol. 99. No. 1. P. 107–123.

Kissinger H.A. Western Aid Alone Would Not Strengthen the Republics' Economies // The Breakup of the Soviet Union: Opposing Viewpoints / William Barbour, Book Editor; Carol Wekesser, Book Editor. San Diego: Greenhaven Press, Inc., 1994. 264 p.

Wallerstein I.M. Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World System // International Sociology. 2000. Vol. 15. No. 2. P. 259.

Wallerstein I.M. The Curve of American Power // New Left Review, 2006. NLR 40. URL: <https://newleftreview.org/search/hybrid?query=The+Curve+of+American+Power> (дата обращения: 20.11.2017)